

УДК 101.1:316

*С.З. Семерник***ЭКОНОМОЦЕНТРИЗМ КАК КРИЗИСОГЕННЫЙ
ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

В статье рассматривается такой феномен современного общества, как экономоцентризм, который сравнительно недавно стал предметом тщательной исследовательской рефлексии. Экономоцентризм как система взглядов, в которой решающая роль при объяснении важнейших сфер бытия отводится экономике и производным от нее феноменам, в глубинных своих основаниях является крайне разрушительной для общества, выступает источником кризисных явлений. Являясь наследником капиталистического развития социума, экономоцентризм вбирает в себя болезненные черты агонизирующего ныне капитализма и проецирует их в пространство широких социальных и индивидуальных практик, деформируя конструктивные образования последних. Преодоление экономоцентризма является насущной проблемой современности.

Прежде чем приступить к анализу заявленной темы, дадим определение экономоцентризма. Экономоцентризм – система взглядов, жизненных ориентаций и установок, в которых решающая роль при объяснении природы, общества, собственно самого человека, а также связей, устанавливаемых между ними и норм, регулирующих возникающие отношения, отводится экономике и производным от нее феноменам. Так, глубоко имманентным для данного типа мировоззрения является понимание, к примеру, природы как «природного ресурса», осмысление человеческой личности в категориях «человеческий ресурс», «человеческий капитал», общественных связей с позиции «социального капитала» и т.д.

Термин «экономоцентризм» не является пока общеупотребительным, тем не менее, он апробирован в пространстве современной социогуманитарной мысли и, выступая адекватным теоретическим конструктом для выражения реалий современной жизни, позволяет решать серьезные исследовательские задачи. В частности, он позволяет рассмотреть такие феномены современного индивидуального и общественного сознания как «обожествление прибыли», «неуемная жажда наживы», которые и составляют главную суть экономоцентрического общества. При внешней респектабельности данной установки (что плохого в желании людей быть богаче, тем более, если они готовы прикладывать для этого невероятные усилия?) в глубинных своих основаниях она является крайне разрушительной для общества, выступает источником кризисных явлений, затрагивающих практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Нарастающий ком кризисов способен привести социум к деградации а, возможно, и к гибели.

Так, например, рассматривая характеристики экономоцентрического общества, профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики РФ В.Ф. Шелов-Коведяев указывает, что в нем роль экономики абсолютизируется: «Экономическая деятельность из инструмента обеспечения частных и общественных нужд превратилась в самодавлеющую сущность: недаром все чаще приходится слышать: «Экономике требуется то-то и то-то», «Экономика диктует» и т.д., будто она есть некая, абсолютно независимая от нас сила» [1, с. 157]. Это, по мнению профессора, крайне негативно отражается на многих сферах общественного функционирования, в частности, на демографии: «Малодетная семья – прямое следствие экономоцентричного мировоззрения» [1, с. 157]. В качестве аргумента он приводит следующие рассуждения: «если человек воспринимает экономику как высшую по отношению к нему и, следовательно, непреодолимую силу,

то он тем самым настраивает себя на ограничение своего воспроизводства в потомках. Ведь одинокий индивид, лишенный широкой корневой системы родственных связей, более социально пластичен, а значит, более удобен бизнесу и управлению, экономике в целом, чем сплоченный коллектив дружных родственников. И коли многие уже привыкли воспринимать любые сигналы экономики как приказы, подлежащие исполнению без обсуждения, неудивительно, что они психологически настраиваются на «малодетность» [1, с. 157]. Стоит согласиться с мнением российского исследователя, поскольку совершенно очевиден факт утраты поведенческой нормы многодетности в странах «победившего капитализма», которые, кстати сказать, по материальному уровню жизни являются одними из наиболее благополучных во всем мире. Несмотря на это, проблема сокращения численности населения является для них одной из наиболее острых. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие данные: «60% амстердамцев признались в проведенном опросе, что вообще не хотят обременять себя детьми; одиночество предпочитают браку 11% французов, 14% нидерландцев, 22% датчан; в Бельгии на все 10 млн. жителей – 928 548 семейных пар вообще не имеют детей» [2, с. 30].

Другой российский исследователь, доктор философских наук В.А. Кутырев предполагает, что эконоцентрическое общество явилось результатом развития капиталистической системы, в каком-то смысле выступило квинтэссенцией, абсолютизирующей те специфические нормы и правила, которые заложены в ее недрах: «Капиталистическая общественно-экономическая формация переросла в формацию, истиной функционирования и идеологией которой является эконоцентризм» [3, с. 22]. Чтобы разобраться в сути изменений, произошедших в социальных отношениях, обозначаемых ныне как «эконоцентризм», необходимо хотя бы схематично очертить те принципы и новшества, которые привнес капитализм в общественное развитие, те ценности, нормы и задачи, которые он предложил социуму.

Итак, альфой и омегой капиталистической системы (а значит и выступающими центральными системообразующими факторами), являются нужды капитала. А именно: необходимость увеличения его количества, что, в принципе, самым существенным образом отличает капиталистическое общество от, скажем, феодального или иного типа традиционного общества, где социальные связи и нужды выступали главным фактором общественного развития.

Для решения задач, поставленных перед обществом предпринимательской установкой энергичного капитализма, активно использовалась (и используется по сей день) философия «минимизации издержек» и «максимизации прибыли». При этом вопрос о способах и целях реализации данной установки решается очень гибко: оправдано все, что служит их достижению. Безусловно, такой подход не может не стать критичным в определенный момент для социума. А потому, наиболее известные по масштабу и силе экономические кризисы (к которым, кстати сказать, относится и современный мировой экономический кризис) явились именно в обществах с капиталистическим укладом.

Стоит признать, что на различных стадиях существования капиталоориентированной системы ее разрушительный характер для общества был не столь очевиден, более того, создавал иллюзию наиболее удачного типа общественной организации. Как это, например, имело место на индустриальной стадии развития капитализма. Именно на этой стадии в западных странах при социально ориентированной политике государства было создано общество социального благоденствия, с мощной прослойкой среднего класса, охватывающей огромное количество населения, значительно увеличившего свое социальное и материальное положение. Данный тип социума сложился на Западе примерно в 40-х годах XX века и просуществовал до конца 70-х годов. Однако создание такого общества (с максимальным достатком для максимального количества лю-

дей) было отнюдь не целью развития капитализма, но таким своеобразным «сопутствующим при сложившихся условиях эффектом». Вложения в образование, субсидирование науки, развитие социальной сферы были продиктованы исключительно социально-политической и экономической необходимостью, но ни в коей мере не являлись целью или даже задачей капитализма. Поскольку индустриальное общество, ориентированное на массовое производство, требует более квалифицированных работников, способных обслуживать умные машины-гиганты, а широкие массы обеспечивают платежеспособный спрос, то благополучие последних желательно лишь настолько, насколько способствует умножению капитала экономических и политических элит.

«Сопутствующим эффектом», кстати сказать, явились и те демократические свободы, которых западное общество достигло к середине XX века. Материально достаточно крепкий, образованный, политически грамотный, социально активный средний класс стал представлять собой серьезную политическую силу, реально влияющую на развитие событий в государстве. Поскольку логика индустриального производства требовала максимальной включенности населения в государство в качестве граждан, имеющих определенные обязанности, к примеру, налогоплательщика, то наряду с обязанностями, население получало и права, политические, социальные. Эта и была та реальная демократия, предоставить которую широким слоям общества на определенном этапе своего развития капитал был вынужден.

Итак, к началу 1970-х годов, благодаря перераспределительному механизму, был обеспечен буржуазный образ жизни тем слоям, которые не имели буржуазных источников дохода (т.е. бюджетникам), средние классы настолько окрепли экономически, что реально, при помощи таких институтов как гражданское общество, формальная представительная демократия оказались способными бросить вызов правящему слою ядра капсисемы.

Здесь стоит оговориться, что как только это стало понятно правящим кругам, они решили поумерить свое добродушие в заигрываниях с массами и постепенно стали готовить сознание населения к тому, что демократия – это не так уж и хорошо, она себя изживает и т.д. Так, еще в 1975 году по заданию «Трехсторонней комиссии» три «западных» интеллектуала – С. Хангтингтон, М. Крозье и Дз. Ватануки подготовили доклад «Кризис демократии». В нем была спроектирована программа такой трансформации демократических институтов, которая, по сути, означала их ликвидацию. Таким образом, демократия как политическое оружие уже в течение нескольких десятилетий изымается из рук среднего класса. Для этого, в частности, предусмотрены меры, направленные на усиление политической апатии средних классов, а также и более радикальные, связанные с исчезновением (или как это модно говорить «размыванием») среднего класса. Кстати сказать, эта тенденция «подминания» современной демократии под нужды капитала, является предметом тщательной исследовательской рефлексии как у нас, так и за рубежом. Об этом, в частности, пишут такие авторы как Ю. Хабермас, М. Кастельс, У. Бек, Ж. Сарамату, Н. Зарубина, В. Шупер, А. Фурсов и другие.

Итак, тип общества, названный «обществом всеобщего благоденствия», значительно повысивший жизненный уровень широких слоев населения, по сей день является предметом зависти и поклонения экономориентированных личностей в странах бывшего соцлагеря, выступает предметом их вожделений и мечтаний. Однако как нельзя в одну реку войти дважды, так нельзя «выжать» из современной формы капитализма построение социально ориентированного экономически благополучно общества еще раз. Оно ушло в прошлое вместе с индустриальной стадией развития капиталистической системы. Теперь мы имеем совершенно иные реалии.

Как отмечают аналитики, развернувшийся с конца 1990-х годов процесс глобализации позволил создать такой процесс производства и обмена, в котором, благодаря

господству информационных (нематериальных) факторов над вещественными (материальными) капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен практически от всех ограничений локального и государственного уровня – пространственных, материальных, социальных.

А потому капитал сегодня как никогда ранее обнажает свое хищническое лицо, транслирует миру свою экономоцентрическую логику. Некоторые современные аналитики комментируют эту ситуацию достаточно жестко. Они говорят о том, что благодаря развитию науки и техники, а также глобализационным тенденциям современного мира, к власти во многих развитых странах пришла тоталитарная секта экономических фундаменталистов, ориентирующихся на ультралиберальный капитализм. Результатом чего явилось тотальное господство философии и психологии экономизма, который подводит общество к той черте, за которой ему грозят вырождение и распад. Эти процессы, что интересно, иницируются сверху, но поддерживаются широкими слоями общества, и в этом состоит главная трагедия современного дня.

Современное общество поклоняется некрофильским (терминология Э. Фромма) ориентациям, свойственным капиталу. То, что капитал, жажда обладания и смерть – феномены, часто сопутствующие друг другу, в культуре осознавалось давно. Достаточно вспомнить мифологию и погибшего царя Мидаса, возжелавшего обращаться в золото все то, к чему он прикоснется. Вместо ожидаемой сладкой жизни он получил горькую смерть. И этот образ как нельзя лучше подходит для современного общества: «свободная рука рынка» приводит в состояние деградации и кризиса все те социальные отношения и практики, которые прямо не направлены на решение задачи приращения капитала, а «нерентабельно» растрачивают свои ресурсы в пользу обеспечения качества жизни широких слоев общества (речь идет об образовании, науке, медицине, искусстве и т.д.).

С тех пор как общество стало экономоцентричным, наука стремительно утрачивает свои завоеванные ранее рубежи: социокультурный статус, свободный творческий поиск, высокий авторитет. И это не случайно. Дело в том, что бытующее в обществе представление о том, что развитие науки – исключительно объективный процесс (как, например, объективны законы природы) не совсем верно. Да, определенная объективная составляющая имеется. Это, предположим, реальный научный потенциал сегодняшнего дня (куда входят осуществленные ранее открытия, а также общий уровень развития системы подготовки кадров высшей квалификации, собственно ученых, материальная база, имеющаяся в той или иной стране, т.к. наука – крайне дорогостоящий социальный институт и не каждое государство может себе позволить широкомасштабное его развитие). Однако наряду с объективными предпосылками существования науки есть и субъективные ее составляющие, которые, кстати сказать, в последнее время все более усиливаются. Человек, как всем хорошо известно, существо целерациональное. Другими словами, свою деятельность осуществляет на основе определенных, четко заданных целей. И если это происходит в повседневной, обыденной жизни, то уж тем более целеполагание свойственно научному исследованию. Где существует целая процедура постановки и утверждения целей, вектор развития задается произвольно (согласно воле субъекта).

Как мы знаем, с XVII века наука из спорадического разрозненного феномена превратилась в социальный институт. А это значит, вступила в систему прав и обязанностей по отношению к обществу. Общество признало науку, легитимировало ее деятельность, наделило полномочным статусом. Вплоть до абсолютизации ее роли. Еще недавно под грифом «научно доказано» решались абсолютно все проблемы, вплоть до существования посмертной жизни, души, Бога и т.д. Хотя очевидно, что собственно

специфическими научными методами это не доказывается, так как находится вне границ применения данных методов.

И тем не менее для нас интересно то, что клише «научно доказано» указывало на тот высочайший общественный статус, который занимала наука. Она выступала и как способ получения новых знаний, и как источник развития, и как институт по решению насущных прикладных задач, и даже в качестве духовного кормчего.

Сегодня, безусловно, мы наблюдаем колоссальное понижение статуса ученого и науки как таковой. Экономический момент здесь играет центральную роль. Если в прежние времена наукой и философией занимались люди состоятельные (рабовладельцы в Античности, аристократия в Новое время и т.д.), то современный ученый занимается этим профессионально – т.е. наука для него – источник дохода для обеспечения жизни. В этих условиях даже в лучшие времена часть ученых рассматривали свою деятельность исключительно как способ получения чинов, званий и более сытого образа жизни. Но, тем не менее, значительная часть, действительно, развивала научное знание. Однако с тех пор как в обществе возобладали философия и психология, абсолютизирующая роль экономики, рынка и материального потребления, люди науки, как и прочие члены общества, устремлены преимущественно на добывание денег посредством своей профессии. Это выражается в стремлении получать всевозможные гранты, выигрывать конкурсы с материальным финансированием и т.д.

Все это приводит к тому, что цели и приоритеты развития науки все чаще и чаще определяются не отдельными учеными, высококвалифицированными специалистами в той или иной области, способными оценить потенциал и глубинные потребности некоторой области знания и не научным сообществом в целом, а находятся вне данного социального института – определяются платежеспособным заказчиком: реже – государством (читай – чиновниками, которые решают свои, управленческие задачи), либо крупным капиталом, имеющим запрос на реализацию своих узкособственнических целей. Таким образом, наука стремительно превращается в сферу интеллектуальных услуг, выполняет субъективные заказы определенных групп лиц.

Образование, похоже, ожидает та же участь – утрата достигнутого социокультурного статуса, существование на грани вымирания. Экономоцентризм, охвативший современное общество, способствует тому, что современный человек скрупулезно высчитывает собственные сиюминутные выгоды, не желая сколько-нибудь увеличивать затраты, расходы, уменьшающие его нынешнюю прибыль. Вложения в будущее – это тоже уменьшение дохода в настоящем, а потому долгосрочные перспективы никто не хочет оплачивать – ни отдельный гражданин, ни крупный капитал, пребывающий в дне сегодняшнем, ни экономически ориентированное государство. А потому образование сегодня также сведено до статуса «образовательных услуг», переводиться на самоокупаемость, что фактически подрывает самые его основы, ухудшает качество.

Современные исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что происходящая во всем мире реформа образования является выражением превращения его из феномена культуры в фактор экономики и технологии, дабы готовить не личностей для социума, а агентов для техноса. Из «фабрики мыслей» университеты превращаются в «фабрики информации», а вернее – в универсамы по ее рекламе и продаже, в «предпринимательские университеты» [3].

Э. Фромм справедливо отмечает, что рыночный тип мышления имеет глубокое влияние на систему образования: «От начальной до высшей школы цель обучения состоит в том, чтобы накопить как можно больше информации, главным образом, полезной для целей рынка. Студентам положено изучить столь многое, что у них едва ли остается силы и время думать. Не интерес к изучаемым предметам или к познанию и по-

стижению как таковым, а знание того, что повышает меновую стоимость – вот побудительный мотив получения более широкого образования» [4, с. 78–79].

Здесь интересно обратить внимание на такое обстоятельство, что научные исследования, проведенные в разное время по вопросу о, если можно так выразиться, «рентабельности системы образования», экономической выгоды его для общества, по мере усиления в социальных системах власти капитала претерпевают существенные изменения в своих фундаментальных выводах относительно данного вопроса. Так, например, в России, еще в XIX веке, в 1886 г. постоянная комиссия по техническому образованию издала сборник, в который были включены научные статьи известных экономистов того времени И.И. Янжула, А.И. Чупрова и др., в которых они рассматривали влияние грамотности на производительность труда, пытались дать экономическую оценку образованию. В предисловии авторы лаконично сформулировали главные идеи, цели и задачи данного сборника: «Собрать воедино всевозможные аргументы экономического характера на пользу народного образования» [5, с. 32]. Обратим внимание, данные экономисты в своих экономических изысканиях пеклись не об умножении капитала, не о том, сколько «расходов» уйдет на образование, на содержание «непроизводительных» педагогов, администраторов и т.д., а о пользе образования. Такая исследовательская установка коренным образом отличается от меркантилизма, более свойственного западноевропейской культуре, который рассматривает любую нематериальную сферу как потенциальную угрозу капитализации. Между прочим, они отмечают: «Затраты на образование не представляют собой акта филантропии, а являются лишь непосредственным удовлетворением насущнейшей потребности страны в интересах прогресса ее производительных сил. Богатство и процветание России зависят от качества и уровня образования ее народа» [5, с. 32].

Современные западные мыслители, не выражающие заботу об общественном благе, тем не менее, также отмечают, что капитал не филантропически терпит убытки, выводя огромные средства из оборота и вкладывая их в образование, культуру, здравоохранение и т.п., а сознательно инвестирует в систему универсальной кодировки, охватывающей все сферы жизни общества и закрепляющей его универсальное господство. Данная мысль принадлежит известному французскому постмодернисту Жану Бодрийяру, в которой он совершенно справедливо обращает внимание на тот факт, что даже внешне конструктивная и общественно полезная деятельность капиталиста глубинным основанием имеет собственную выгоду. Проведенные во второй половине 80-х годов XX в. в США исследования (под эгидой американского Совета по образованию) на тему «Экономическая ценность высшего образования» имеют все еще благоприятный исход для самого образования: американские специалисты в области экономики Л. Лесли и Б. Бринкман сделали вывод, что инвестиции в высшее образование полностью окупаются и приносят ощутимые выгоды частным лицам [5].

Однако уже к середине 90-х годов образование вообще и высшее образование в частности ставятся на подозрение, обвиняются в «нерентабельности», невыгодности для человека и общества. Так, известный ученый в области экономики образования, главный специалист департамента «Человеческих ресурсов» Всемирного Банка Г. Псахаропулос в своем докладе «Отдача на инвестиции в образование» за 1993 год делает вывод о том, что социальная отдача образования в целом заметно сокращается по мере возрастания национального дохода в силу возрастания связанных с ним совокупных расходов на обучение. Отдача начального образования гораздо выше, чем отдача от среднего образования, а последняя выше, чем отдача от высшего образования. Важным обоснованием такого вывода является величина расходов: университетское образова-

ние стоит гораздо дороже в расчете на одного студента, чем начальное и среднее образование в расчете на одного ученика» [6, с. 32].

Замечательный вывод, нечего сказать. Оказывается, чем меньше в обществе высокообразованных людей, тем лучше для общества, тем быстрее растет его национальный доход. Сэкономленные от вложений в образование деньги повысят количество потребляемых благ на каждого члена общества. Вот такая политэкономия. Таким образом, сегодня все чаще многие явления, процессы, отношения, составляющие пространство человеческого общежития, низводятся до статуса рыночного товара. Хотя они таковыми никогда не могут являться, не имея ни одного признака продукта, подлежащего обмену.

Действительно, атрибутом рыночных товаров является взаимозаменяемость. Пространство культуры, равно как и принципы человеческих взаимоотношений, не могут перейти в плоскость рыночных взаимодействий без существенных потерь. Как измерить, сколько стоит профессионализм, жертвенность, любовь, альтруизм, милосердие, сострадание, гигантский труд таланта, ответственность, высота духа? Эти феномены являются в социальном плане более сложными, высокоорганизованными, требующими для своего воспроизведения колоссальных духовных, душевных, а также физических и материальных затрат, а посему в логике экономических отношений «выносятся за скобки», «не учитываются», не получая не только должного вознаграждения (поскольку это в принципе не переводимые на язык обмена понятия), но и подвергаясь откровенному паразитизму со стороны скупидомного экономизма. И это неудивительно: язык денег весьма циничен. На это обращал внимание еще в XIX веке известный немецкий философ Георг Зиммель. В своей работе «Философия денег» он указывал на то обстоятельство, что деньгам присуща способность вовлекать в обменный бизнес и те блага, которые не являются товарами, причем так, будто они таковыми являются. «Деньгам все глубоко безразлично. Это среда, в которой приравнивание различного осуществляется на практике», – соглашается с Г. Зиммелем в своей работе «Критика цинического разума» современный исследователь П. Слотердаик [7, с. 352].

Поэтому вполне закономерным является то, что говорящий на языке денег рынок беззастенчиво использует ресурсы духовного, символического капитала (П. Бурдьё), никак не пытаясь поддержать и восполнить эту высокосложную реальность, поскольку мгновенной очевидной прибыли она не дает, а оказывает общесистемное укрепляющее, стабилизирующее и усиливающее действие на социальную систему в целом.

Современные исследователи справедливо отмечают: «вся сложная культурная, духовная, политическая деятельность в условиях регулирующей деятельности рынка оценивается уже не по качественным, а по количественным критериям» [8, с. 50]. «В разряд неэффективных, по меркам рыночной рентабельности, сориентированной на количество возможной прибыли, попадают сегодня фундаментальная наука, не дающая быстрой практической отдачи, теоретическое и гуманитарное знание, не выражающееся в прямых коммерческих практиках, высокое искусство, сориентированное на подготовку, а не на массового потребителя. Нерентабельным становится опекать пенсионеров, поддерживать временно нетрудоспособные группы населения: детей, учащуюся молодежь, многодетных матерей и т.д. и т.п.

Все, что не является «рентабельным» выбраковывается рыночным сознанием из пространства социальных практик. Поэтому сегодня во многих сферах общественного производства беззастенчиво сокращается то, что не сулит немедленной окупаемости и выходит за рамки прибыльности» [9, с. 217].

Здесь укажем на то обстоятельство, что возникшее в недрах капиталистической системы экономоориентированное мышление переплавилось за предшествующие столетия в законы и бытовые стереотипы и образует сейчас основную фактуру запад-

ной цивилизации. А поскольку влияние данной цивилизации на весь мир огромно, то узаконивание и стереотипизация экономического дискурса в социальных практиках свойственны ныне огромному количеству незападных стран.

Так, еще в конце XIX – начале XX вв. западнически сориентированная часть интеллектуальной элиты России ратовала за то, чтобы легитимировать в общественных практиках экономический императив. Либерально ориентированный русский экономист, происходивший из обрусевших немцев И.К. Бабст в своей работе «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» писал: «Не раз случалось нам слышать возгласы против промышленного, материального направления нашего века и преимущественно Западной Европы; нередко говорится о новом Вавилоне, о поклонении золотому тельцу, о том, что все нравственные интересы принесены в жертву интересам промышленным, и затем все нападки обрушиваются на науку о народном хозяйстве. ... Нет, промышленное направление нашего века – это великий шаг вперед. Горе тому народу, который теряет всякое желание к улучшению своего экономического быта, всякую заботу о нем; он теряет с этим вместе сознание своего нравственного достоинства, сознание человечности. Напротив, сознание необходимости материального улучшения, желание довольства заключает в себе залог всего прекрасного и благородного в народе. Только человек, живущий в довольстве, может уделять свое время интеллектуальным и нравственным занятиям. Материально выгодно обеспеченные народы всегда почти бывают и нравственно и политически развиты» [10, с. 106].

В качестве рецепта для улучшения народного богатства И.К. Бабст предлагает метод распространения экономической рациональности в современном ему обществе. «Распространение здравых экономических понятий составляет одну из самых необходимых потребностей нашего общества. Пора, наконец, перестать жить зря, как говорится, все делать зря. Наступает для нас пора проверить все, что мы сделали, что совершили, и достойно ли совершили. Пора нам задать себе вопрос достойно ли воспользовались и обширным пространством нашей родины и теми громадными богатствами, кроющимися в ее недра и выпавшими по воле Провидения на нашу долю» [10, с. 105].

Далее он пишет: «Можно сказать, что большая часть несчастий, обрушившихся над бедным слоем народонаселения, что большая часть заблуждений в экономических мирах происходят от *недостатка здравых экономических понятий*. Это поняли уже в Европе, и лучшим ответом на этот животрепещущий вопрос современности служат сотни мелких брошюр, в которых самым доступным для народа образом обработаны главные положения науки народного хозяйства» [10, с. 107].

Как видим, наряду с прочим, И.К. Бабст подметил одно очень важное обстоятельство: экономический способ мышления в капиталистических странах не столько вызревал естественным образом в недрах народа, сколько «спускался сверху» и был продолжением тех революций, которые произошли в европейских странах задолго до этого (буржуазные революции в Англии, Нидерландах, политическая революция во Франции, которые, напомним, носили крайне насильственный, кровавый характер). В данной диалектической взаимосвязи элитным слоям общества принадлежала, безусловно, ведущая роль (что, впрочем, вполне согласовывается с учением современных исследователей таких как Гумилев и, в особенности, Тойнби, показавших роль элит в формировании общества).

Уже в XVII столетии распространение получили так называемые «купеческие книги», использующие «купеческие лексиконы» (В. Зомбарт), в которых и старым, и молодым людям давалось наставление о том, как строить свою жизнь разумно и добродетельно, соблюдая элементарные правила экономии: соблюдать порядок, быть прилежным и бережливым. Разрозненную палитру купеческих наставлений вскоре допол-

нили труды гораздо более рафинированные и интеллектуально отточенные: появляются писатели, крупные политические и общественные деятели, влиятельные деловые люди, распространявшие свои экономические нравоучения в широких слоях общества. Назовем некоторые из них. Это произведения Л.Б. Альберти об управлении семьей, в которых он употребляет выражение «святая хозяйственность»; позднее труды Савари и Дефо, оказавшие огромное влияние на общественную мысль Новоевропейского общества. И, конечно же, работы Бенджамина Франклина, фраза которого «Время – деньги» повторяется как священное заклинание и по сей день.

Немецкий социолог Вернер Зомбарт справедливо пишет: «Альфа и омега франклиновской житейской мудрости заключена в двух словах: *industry and frugality* – прилежание и умеренность. Это пути, чтобы достичь богатства: «Не растрачивай никогда времени и денег, но делай всегда из обоих возможно лучшее употребление», – поучает знаменитый американец [11, с. 121].

Эти и подобные им учения, по мнению Зомбарта, принадлежали к «наиболее читаемым в свое время». Так, например, он указывает: «Квинтэссенция франклиновских учений мудрости заключена в «Poor Richards Almanac», который он выпускал ежегодно в течение десятилетий. Резюме опять-таки излагавшихся здесь воззрений содержит «Обращение отца Авраама к американскому народу на одном аукционе» в выпуске календаря на 1758 г. Это обращение было издано в виде отдельного произведения под названием «Путь к богатству» («The Way to Wealth»), и в качестве такового оно стало известным миру. Оно было перепечатано во всех газетах и распространено по всему земному шару. 70 изданий его вышло на английском языке, 56 – на французском, 11 – на немецком, 9 – на итальянском. Это сочинение было сверх того переведено на испанский, датский, шведский, уэльский, польский, галльский, русский, чешский, голландский, каталонский, китайский, новогреческий языки и на фонетический способ письма (Phonetic writing). Оно печаталось, по крайней мере, 400 раз» [11, с. 127].

Как видим, широкие слои общества во всем мире прониклись этим зародившимся духом (названным Зомбартом «мещанским»), ориентированным на накопление, материальное богатство и прибыль. Интересно, что если в эпоху Античности и Средневековья, когда люди были озабочены организацией собственного мышления, огромной популярностью пользовались «Начала» Евклида, то в Новое время такими конкурирующими с Библией произведениям стали труды Б. Франклина.

И это не случайно. Надо полагать, что экономически мыслящие массы представляли собой необходимое условие для дальнейшего успешного развития капитализма. Нужно было подключить широкие слои общества к миру экономических смыслов, для того, чтобы они на добровольной основе включались в капиталистический тип отношений и легитимировали все самые невероятные социальные практики, глубоко противоречащие человеческой природе.

Понимание того факта, что, благодаря господству экономических императивов, социум может быть потрясен во всех своих основах, что оно откроет неестественные пути (социокультурно не устоявшиеся, не легитимные для традиционного общества как противоречащие логике межличностных отношений и морально-нравственным, социальным и религиозным традициям) в элитные слои общества для людей не самых достойных, мы находим уже на самых ранних стадиях становления капиталистического общества. Так, известный французский мыслитель Ш. Монтескье по этому поводу писал: «Все погибнет, если выгодная профессия финансиста обещает стать еще и уважаемой профессией. Тогда отвращение охватит все другие сословия, честь потеряет свое значение, медленные и естественные способы выдвинуться не будут применимы и правительство будет потрясено в своих коренных основах» [12, с. 143].

Провидческие слова Монтескье с успехом оправдали себя в пространстве современного глобализирующегося мира, когда экономическая составляющая стала настолько преобладать в обществе, что претендует уже не только на законодательство в области социальных и хозяйственных отношений, но и на политическое, а также морально-нравственное (вернее сказать, безнравственное) господство.

Так, например, португальский писатель Ж. Сарاماгу, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1998 г., в статье «Почему я поддерживаю антиглобалистов», пишет о том, что экономическая глобализация способна до неузнаваемости изменить облик социума, создав новую, невиданную ранее форму тоталитаризма: «Нельзя же всерьез говорить о демократии, когда реальная власть находится не в руках правительств, избранных гражданами, а у транснациональных монополий, которые никто не избирал» [13, с. 177]. Подобные мысли высказывает другой известный исследователь по проблемам экономической глобализации – Ульрих Бек. В своей работе «Что такое глобализация?» он повествует о тех потрясающих основы социума метаморфозах, которые происходят сегодня, благодаря беспрецедентно усилившейся позиции эконоцентрического капиталистического общества. Так, по мнению У. Бека, глобальный капитализм устанавливает свои, новые правила поведения в обществе. Это «капитализм без труда», «капитализм без налогов», а в перспективе и без самого государства.

Интересно здесь привести мнение известного философа Валлерстайна, который в своей работе «Конец знакомого мира» указывает на два главных признака капитализма – накопление капитала и отказ платить по счетам. Отказ платить по счетам, фактически является, по мнению Валлерстайна, скрытой формой воровства и в этом состоит «грязный секрет» капитализма. Если в индустриальном капиталистическом обществе стремление одних субъектов хозяйствования безгранично увеличивать свою прибыль еще как то сдерживалось, уравнивалось требованиями социальной справедливости со стороны других субъектов хозяйствования (рабочих, объединявшихся в политические партии, профсоюзы и т.д.), то в современном обществе «глобального профсоюза» как такового не существует, а потому баланс сил явно не в пользу трудящихся. Отсюда вопрос о дальнейшем существовании общества массового благоденствия остается открытым даже для материально благополучного Запада, не говоря уже о других регионах планеты. Похоже, что сценарий мирового развития все более склоняется к установлению общества элитного благоденствия немногих. Это хорошо согласуется с такой характеристикой глобального капитализма как «капитализм без налогов»: «Предприятия могут производить продукцию в одной стране, платить налоги – в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры – в третьей... Пикантность ситуации заключается в том, что именно *самые богатые* становятся виртуальными налогоплательщиками» [14, с. 15].

Как комментирует эту ситуацию Н.Н. Зарубина: «Бремя содержания развитой социальной инфраструктуры, поддержания традиционно высокого уровня культуры, обеспечения безопасности и т.д. ложится на реальных налогоплательщиков – на мелкие и средние предприятия, на частных лиц. Возникает конфликт между виртуальными и реальными налогоплательщиками: лидеры глобализации пользуются *фактически бесплатно* социальными и культурными достижениями высокоразвитых стран, которое оплачивает неглобализированное население, страдающее, вдобавок ко всему, от сокращения рабочих мест» [9, с. 210].

У. Бек констатирует, что глобализацию вынуждены оплачивать те, кто от нее не выигрывает, а проигрывает: в Германии с 1979 г. доходы предприятий выросли на 90%, зарплата – на 6%; поступления от подоходного налога за последние десять лет выросли

в 2 раза, а налоги с корпораций уменьшились в 2 раза и составляют 30% общих налоговых сборов [14, с. 17].

Но и это еще не все метаморфозы. С экономической глобализацией, по мнению Бека, связана «субполитизация» современных обществ: «дополнительный шанс для деятельности и узурпации власти за рамками политической системы, шанс, который во все большей мере получают предприятия, действующие на всем пространстве мирового сообщества» [14, с. 14]. Таким образом, на политические роли претендуют теперь такие субъекты, которые никогда к ним напрямую не относились – предприятия и фирмы, налоговые и аудиторские институты, международные финансовые и торговые организации и т.п. Для реализации узкособственнических интересов они уже не нуждаются ни в парламенте, ни в правительствах, ни в других легитимных органах политической системы, а уж тем более в избирателях, которые не имеют к ним никакого отношения. Данные сомнительные социальные трансформации, а также многие другие преобразования стали не только возможными в современном обществе, но и не вызывают адекватной оценки со стороны последнего. На наш взгляд, это происходит потому, что самые широкие слои населения – от правительств до мелких служащих и трудящихся – усвоили экономический принцип понимания действительности, прониклись неестественной логикой вещных, механических, товарообменных отношений, а потому вопросы о справедливости или несправедливости, нравственности или безнравственности, нормальности или ненормальности тех или иных экономических практик должным образом в обществе не поднимаются.

Эту закономерность хорошо понимают люди, рассматривающие гегемонию капитала в качестве основания общественных отношений. Об этом свидетельствует та благосклонность, с которой элиты общества относятся к широкому применению так называемого «экономического подхода» в решении самых многообразных социальных вопросов. Так, один из известнейших современных экономистов – профессор Чикагского университета и Главный научный сотрудник Гуверского центра Стэнфордского университета (США), лауреат Нобелевской премии Г. Беккер – выдвинул идею о применении экономического подхода к самым широким социальным практикам. В частности, он пишет: «В самом деле, я пришел к убеждению, что экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению – к ценам денежным и теневым, вмененным; к решениям, повторяющимся и однократным, важным и малозначительным; к целям эмоционально нагруженным и нейтральным; к поведению богачей и бедняков, пациентов и врачей, бизнесменов и политиков, учителей и учащихся» [15, с. 35–36].

Стоит отметить, что в рамках экономического подхода находит себе оправдание даже такой маргинальный феномен как преступность. Так, тот же Г. Беккер в статье «Преступление и наказание: экономический подход» исходит из презумпции, что «преступники – не психопатологические типы и не жертвы социального угнетения, а рациональные агенты, предсказуемым образом реагирующие на имеющиеся возможности и ограничения. Они, по мнению Беккера, стремятся к максимизации ожидаемой полезности, и с этой точки зрения их поведение ничем не отличается от поведения других людей. Выбор преступной профессии он трактует как нормальное инвестиционное решение в условиях риска и неопределенности. Следовательно, уровень преступности должен зависеть от соотношения сопряженных с нею выгод и издержек» [15, с. 655]. Такое понимание преступной деятельности предполагает возможность потенциального участия в ней абсолютно каждого человека. Более того, рассматривается как равноправный, нормальный вариант экономической активности в определенной, благоприятной для преступления обстановке.

Итак, жажда наживы настолько ослепляет экономоцентрическое общество, что оно уже не способно отчетливо проводить грань между нормой и патологией. А потому одним из признаков болезни экономизма можно назвать криминализацию общества в самом широком смысле этого слова. Причем, преступная психология пронизывает все уровни функционирования системы, начиная от высших управленческих слоев, заканчивая низами.

Однако такое беззастенчивое извлечение прибыли из преступной деятельности невозможно в условиях нации-государства, которое придерживается определенных традиций, принципов и норм, в которых существуют понятия «общенациональные интересы», «общегосударственные интересы» и т.д. Поэтому для успешного развития капитала необходима новая форма социальной организации, которая бы снимала противоречие между криминальными и некриминальными сегментами экономики, извлекая прибыль из всего, что возможно, руководствуясь исключительно принципом рентабельности. Такой тип государства уже не за горами.

Известный российский историк и социолог Андрей Фурсов обозначил его как корпорация-государство. Главный лозунг корпорации-государства – увеличить прибыль, ВВП, конкурентоспособность. Здесь очевидно противоречие. Быть конкурентоспособной экономически – это задача фирмы, но не государства. Политэкономическая способность государства на мировой арене обусловлена не столько экономической эффективностью, сколько эффективностью социальной. И уж тем более легитимно нация-государство не может пользоваться в полной мере основными источниками увеличения прибыли, каковыми на сегодняшний день в условиях глобальной экономики являются, по оценке специалистов, следующие, если можно так выразиться, виды деятельности: торговля нефтью, торговля оружием, наркотрафик, торговля золотом и драгметаллами, проституция и порнобизнес. А вот корпорация-государство вполне может использовать эти дающие большие барыши практики. Магическая формула «это делается в интересах бизнеса», открывает простор для узаконивания традиционно порицаемых и ограничиваемых обществом действий, что, безусловно, ведет за собой понижение культурного уровня развития любого социума.

Подытожим. На качество современной жизни все более отчетливо и беспардонно наступает мир количества, превращая в числа, цифры, денежные эквиваленты огромное число живых социальных и культурных практик. Собственно для человека, даже обладающего значительным количеством денег, это означает невозможность обеспечения высокого качества жизни, поскольку качественность как таковая постепенно вытесняется из пространства современного экономоцентрического общества. Снижение уровня развития науки, образования, медицины, права и т.д. приводит к тому, что по самым значимым параметрам, обеспечивающим полноценность индивидуального и общественного существования, возможности личности и общества в целом значительно уменьшаются, вскрывая тем самым главное противоречие экономоцентризма – увеличение объемов прибыли, получаемой отдельными участниками экономических действий, ни в коей мере не способствует улучшению общественных отношений, повышению уровня жизни остальных граждан и государства в целом. Наоборот, экономоцентрическая логика губительна для стран, ее практикующих. Она выступает источником многочисленных кризисов в самых различных областях человеческой деятельности, поскольку экономит там, где требуется нерентабельное, коммерчески неоправданное дотирование (к примеру, в области высоких технологий, без которых невозможно решение очень многих проблем современности, таких как нехватка воды, источников энергии и т.д.). Поэтому преодоление экономоцентризма является насущной потребностью современности.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Шелов-Коведяев, Ф.В. Полемиические заметки политолога об экономике, политике и демографии / Ф.В. Шелов-Коведяев // ОНС. – 2010. – № 6. – С. 154–159.
2. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч.С. Кирвель [и др.] ; под ред. Ч.С. Кирвеля. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Четыре четверти, 2010. – 548 с.
3. Кутырев, В.А. Человеческое и иное: борьба миров / В.А. Кутырев. – М. : Алетей, 2009. – 264 с.
4. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – М. : Коллегиум, 1992. – 256 с.
5. Добрынин, А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. – СПб. : Наука, 1999. – 309 с.
6. Дятлов, С.А. Человеческий капитал в системе современной экономики : автореф. дис. ...д-ра экон. наук : 08.00.01 / С.А. Дятлов. – СПб. : УЭФ, 1995. – 46 с.
7. Слотердаик, П. Критика цинического разума / П. Слотердаик ; пер. с нем. А.В. Перцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 584 с.
8. Зарубина, Н.Н. Социология хозяйственной жизни / Н.Н. Зарубина. – М. : «Логос», 2006.
9. Семерник, С.З. Общество будущего: победа экономического фундаментализма или постэкономический человек / С.З. Семерник, Ч.С. Кирвель // Проблемы управления. – 2010. – № 2. – С. 216–226.
10. Бабст, И.К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала / И.К. Бабст // Избранные труды. – М. : Наука, 1999. – 300 с.
11. Зомбарт, В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / В. Зомбарт ; пер. с нем. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 624 с.
12. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье // Избранные произведения. – М. : Гос. изд-во политической литературы, 1955. – 398 с.
13. Сарاماгу, Ж. Почему я поддерживаю антиглобалистов / Ж. Сарاماгу // Россия в глобальной политике. – 2003. – Т. 1. – № 1. – С. 171–180.
14. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304.
15. Беккер, Г.С. Человеческое поведение. Экономический подход = human behavior. Economical approach / Г.С. Беккер. – М. : ГУВШЭ, 2003. – 671 с.

Semernik S.Z. Economocentrism as Krizisogeny Factor of Modern Society

The article discusses the phenomenon of modern society as ekonomotsentrizm, which recently has become the subject of a thorough study of reflection. Ekonomotsentrizm as a framework in which the decisive role in explaining the most important areas of being is given to the economy and derives from it phenomena, the depth of its foundations is extremely destructive to society, is the source of the crisis. Being the heir to the capitalist development sotsiu-ma, ekonomotsentrizm incorporates features of painful agonizing capitalism and projecting them into the space of broad social and individual practices, deforming the structural formation of the latter. Overcoming of ekonomotsentrizm is an urgent issue of our time.

Рукапіс паступиў у рэдкалегію 25.01.2011